

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ FLORIAN FORESTIER
“LA PHÉNOMÉNOLOGIE GÉNÉTIQUE DE MARC RICHIR”

Springer International Publishing, 2015. ISBN 978-3-319-10025-8

АЛЕКСАНДР ПОГОНЯЙЛО

Доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034 Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: apogoniailo@gmail.com

ЛАРИСА СОКОЛОВА

Доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034 Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: larissa-sokolova-blagovo@yandex.ru

В рецензии обсуждается основное содержание книги и выделяются наиболее значимые, по мнению рецензентов, размышления автора относительно концепции трансцендентальной генетической феноменологии М. Ришира и того места, которое она занимает в современной философии. Автор выделяет основные проблемы феноменологии Ришира и показывает, каким образом ему удастся дать новое решение трансцендентального вопроса, провести конструктивную критику гуссерлевской феноменологии. Главное внимание в рецензии уделяется авторскому изложению понятий только-феномена, гиперболической редукции, архитектоники, посредством которых Ришир исследует поле феноменологического.

Ключевые слова: Ф. Форестье, М. Ришир, феноменализация, трансцендентальный генезис, смысл, символическое учреждение.

© ALEXANDER POGONIAILO, LARISA SOKOLOVA, 2016

FLORIAN FORESTIER
“MARC RICHIR’S GENETIC PHENOMENOLOGY”

Springer International Publishing, 2015. ISBN 978-3-319-10025-8

ALEXANDR POGONYAILO

DSc in Philosophy, Professor.
St. Petersburg State University, 199034 Russia, St. Petersburg.
E-mail: apogoniailo@gmail.com

LARISA SOKOLOVA

DSc in Philosophy, Professor.
St. Petersburg State University, 199034 Russia, St. Petersburg.
E-mail: larissa-sokolova-blagovo@yandex.ru

The following review discusses the primary content of the book, highlighting the insights which the reviewers consider to be particularly significant for the conception of the transcendental genetic phenomenology of M. Richir – and its place in contemporary philosophy. The book’s author focuses on the primary challenges of Richir’s phenomenology, provides a new solution to the transcendental question and performs a constructive critique of Husserl’s phenomenology. The main focus of this review is placed on how the author articulates the terms “just-phenomenon”, “hyperbolic reduction” and “architectonics” which Richir employs to research the sphere of the phenomenological.

Key words: F. Forestier, M. Richir, phenomenalisation, transcendental genesis, meaning, symbolic constitution.

Работа Ф. Форестье, доктора философии Университета Париж-IV-Сорбонна, представляет собой систематическое исследование концепции трансцендентальной генетической феноменологии французского и бельгийского философа М. Ришира. Это одна из немногих монографий о философе, творчество которого в последние годы привлекает значительное внимание. Марк Ришир (1943-2015), физик и философ по образованию, является автором книг: *Ничто и его обнаружение* (1981), *Феноменологические исследования* (1982-1984), *Феномены, время и бытие: онтология и феноменология* (1987-1988), *Феноменология и символическое учреждение, феномены, время и бытие* (1988), *Кризис смысла и феноменология, по поводу “Кризиса” Гуссерля* (1990), *Возвышенное в политике* (1991), *Феноменологические размышления: феноменология языка* (1992), *Философия мифологии* (1994), *Опыт мышления: феноменология, философия, мифология* (1996), *Рождение богов* (1998), *Учреждение идеальности* (2002), *Phantasia, воображение, аффективность*

(2004), *Феноменологические фрагменты о времени и пространстве* (2006), *Феноменологические фрагменты о языке* (2008), *Вариации о возвышенном и себе* (2010) и др.

В исследовании Форестье ставится задача дать целостное представление о творчестве Ришира, выявив при этом как важнейшие достижения его мысли, так и те трудности, с которыми он сталкивается в своем проекте переосмысления феноменологии, нацеленном на радикальное прояснение условий возможности феноменологического. Автор выделяет два главных стержня, два направления философской работы Ришира. Во-первых, Ришир критически разбирает понятие перцептивной интенциональности, предоставляющей данность объекта “в плоти и крови”; именно эта интенциональность рассматривалась Э. Гуссерлем в качестве основы теории познания. Он отказывается от полагания логико-эйдетической структуры переживания в качестве изначального поля феноменов, утверждая, что логико-эйдетическое Гуссерля является только одной стратой феноменологического, не исчерпывает его множественности и что форма этой страты не может определять формы других страт. Во-вторых, используя и переосмысливая гуссерлевские и мерло-понтиевские идеи о пассивных синтезах, Ришир развивает собственную концепцию трансцендентального генезиса, он сосредотачивается на исследовании условий возможности обнаружения данного. Эйдетика, по его мнению, укоренена в том, что М. Мерло-Понти описывал как дикое поле прото-эйдетики, – оно то и интересует Марка Ришира в первую очередь. Это трансцендентальное феноменологическое поле не является аморфным, оно анонимным образом структурировано собственными ритмами, расчерчено линиями сопротивления и напряжения, динамизировано процессами и операциями – всеми формами, которые делают возможным обнаружение данного.

Полагая, что все работы Ришира проникнуты глубоким единством, Форестье, тем не менее, выделяет в творчестве философа три периода, или момента. Первый момент – метафизический, когда Ришир исследует и реформирует хайдеггеровскую проблематику деструкции классических понятий метафизики. Так, в первых главах своей книги *По ту сторону коперниковского переворота* он развивает тему изначального искажения онтологической проблемы и предлагает концепцию лого-логики, или онто-метафизики. Во второй период, под решающим влиянием Мерло-Понти, в работе *Феноменологические исследования* и ряде следующих Ришир создает

первую философию нового типа – трансцендентальную феноменологию как прото-феноменологию. Здесь, в частности, уточняется понятие *essences sauvages*, диких сущностей (*Wesen*). Однако главное внимание Форестье обращено к более поздним сочинениям третьего периода, начинающегося с работы *Феноменология в эскизах*. С этого времени феноменология Ришира развивается в архитектурной перспективе, особенно используются теперь гуссерлевские исследования в области пассивных синтезов и *phantasia*, переосмысливая которые, философ дает новое обоснование феноменологических понятий и метода.

Для работы Форестье характерно то, что философия Ришира рассматривается в ее диалоге с феноменологической традицией. Систематическим образом проводится сопоставительный анализ гуссерлевских и ришировских понятий, значительно более фрагментарно – анализ понятий Ришира и Ж. Деррида, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Мариона, А. Мальдине, Ж.-Л. Нанси, О. Финка и др. Этот анализ позволяет автору показать, что за некоторым сходством исследуемых вопросов скрывается различие интерпретаций.

Разумеется, главное внимание уделяется анализу собственных понятий Ришира – онтологический симулякр, только-феномен (*rien-que-phénomène*), схематические ритмы, гиперболическое *époché*, архитектурный регистр, самостановящийся смысл (*sens-se-faisant*), символическое учреждение (*institution*) и др. Однако и здесь, как показывает Форестье, мысль Ришира развивается в диалоге с феноменологией М. Хайдеггера, Мерло-Понти, Деррида и др. Кроме феноменологической традиции, она в своей фундаментальной ориентации находит точки соприкосновения также с идеями Канта и Фихте. Автор отмечает при этом, что именно работы Гуссерля почти всегда являлись для Ришира исходным моментом в развитии собственной феноменологической проблематики и метода. Обращаясь к проблематике пассивных синтезов, затем – к воображению и *phantasia*, Ришир приступает к пересмотру классических вопросов гуссерлевской феноменологии – редукции, эйдетики, статуса идеальности, внутреннего сознания времени, феноменологии пространства, воплощения, интерсубъективности.

Раздел *Ничто и феномен* дает общую экспозицию важнейших понятий Ришира и начинается с анализа понятия *онтологического симулякра*, выдвинутого для определения некоей структуры обнаружения (*l'apparaître*), которая оказывается только вторичной. Так, Ришир отводит

лишь вторичное, производное место онтологическому горизонту, в котором совершается феноменализация. Согласно Риширу, бытие не является фундаментальным горизонтом феноменализации, наоборот, зеркальные структуры феноменализации создают этот горизонт. Феноменология Гуссерля и Хайдеггера рассматривает обнаружение феномена так, что укореняет его в том, в чем он обнаруживается. Другими словами, то, что обнаруживается, предоставляет себя в форме, которая определена уже некой фигуративной структурой. Структура онтологического симулякра касается не только гуссерлевского представления о феноменализации объекта, но особенно – феноменализации формы-мира. В последнем случае онтологический симулякр описывает случай феноменализации в феноменологической онтологии Хайдеггера. Стоит отметить, что ришировская критика онтологического симулякра по сути не является новой. Так, аналогичные аргументы против гуссерлевского и хайдеггеровского понимания феномена как проявления вовне приводит М. Анри в работе *Сущность манифестации* (Henry, 1963).

Форестье показывает, что Ришир опирается на мерло-понтиевские понятия плоти, обратимости телесного опыта и хиазмы, когда тело является одновременно ощущаемым и ощущающим, нераздельным переплетением дорефлективных движений. Именно данную структуру обратимости исследует Ришир, намереваясь описать то, что у Мерло-Понти в силу разных причин не получило окончательного выражения – феноменологическую трансцендентальную структуру обратимости. Однако он не следует мерло-понтиевской задаче создания онтологии плоти: эту онтологию предваряет и обосновывает анализ трансцендентальной формы обратимости. В данном контексте философ обращается к фихтеанскому понятию рефлексивности, которое относится не к акту рефлексивного движения, а к вопросу о том, как рефлексивность возможна, какова чистая форма рефлексивности. Трансцендентальная форма обратимости интерпретируется Риширом как глубинная структура феноменализации, как случай *только-феномена*, т.е. феномена, взятого независимо от того, что феноменализируется. Освобождая феномен от всякого отношения к субъекту и миру и приходя к анонимной феноменализации как таковой, в ее голом, архаическом измерении, Ришир утверждает, что ее можно мыслить исходя из ничто, что она имманентна самому обнаружению и не может пониматься по модели феноменализации некоторой определенной вещи.

Автор книги, следуя за мыслью Ришира, показывает, что отсюда вытекает требование поставить по-новому традиционные проблемы феноменологии: необходимо описать только-феномен, определить редукцию, в которой этот феномен достигается, а также разъяснить практику данной редукции. Форестье считает, что оригинальность Ришира заключается, в частности, в предложенном им способе нахождения только-феномена по ту сторону структуры-мира.

Только-феномен, полностью освобожденный от мира, является *слепым*, без любой данности содержания, он есть лишь *мерцание*, изначальная подвижность, благодаря которой проявляются феномены мира. Смысл не включен изначально в только-феномен, он лишь “извлекается” из него, из игры исчезновений и появлений, неопределенного и бесконечного мерцания, по ту сторону времени и пространства. В этом мерцании феноменализации осуществляется связь между двумя полюсами: когда феномен дает сам себя и одновременно в горизонте другой вещи, и когда дается только он сам в непосредственности своего проявления. В этом плане главное внимание феноменологии обращается к исследованию мерцаний, вибраций только-феномена. Для Ришира, рассуждает Форестье, только-феномены, изначальные прото-конкретности имеют прото-онтологический статус, они пред-обрисовывают и дифференцируют трансцендентальное феноменологическое поле. Не имеющие смысла дикие сущности – понятие, которое Ришир непосредственно заимствует у Мерло-Понти – являются прото-онтологическими и составляют трансцендентальное условие онтологического вопроса.

Автор справедливо трактует как однопорядковые ришировское понятие диких сущностей и “понятие” архи-письма у Деррида. Оба понятия не только чужды субъекту, но свободны от любой интеллигибельности; оба описывают фундирующее отсутствие, не-присутствие, которое открывает генезис присутствия. Безусловно, речь не идет о заимствовании, но только об аналогии: и для Ришира, и для Деррида страту смысла невозможно понять без понимания более архаической страты.

Процесс, в котором дикие сущности взаимообращаются, резонируют друг с другом, связываются по ту сторону понятия, Ришир определяет как *ритм*. В сцеплении ритмов происходит конституирование сетей прото-конкретностей. Ритм является трансцендентальным понятием, которое указывает на архаическую форму генезиса осмысленного из неосмысленного. Понятие ритма позволяет понять процесс сгущения (*concrétion*)

феноменологического поля по ту сторону формирования смысловых фаз. Благодаря этому понятию философ пытается, не прибегая к идее синтеза, связать немислимый, фрагментарный, множественный характер диких сущностей со связностью феноменов, которые из них конституируются. Форестье замечает, что тема ритма в аналогичном плане развивалась также в работах М. Лоро, А. Мальдине, Ж. Деррида.

Переходя к вопросу о редукции, Ришир, как показывает Форестье, намеревается расширить феноменологическое поле, включив в него помимо интенциональных корреляций – предметов гуссерлевских анализов, которые немецкий философ понимал как достигнутые в ходе редукций изначальные данности – структуры, которые определяют условия появления этих корреляций, а именно структуры только-феноменов. В этой связи Ришир формулирует идею более радикальной редукции – *гиперболического érochè*, при совершении которой достигается область, в которой происходит движение формирования (Bildung), конфигурирования феноменов-мира. Данная редукция достигает только-феномена в его чистой неопределенности и чистой анонимности. В ходе редукции этот феномен следует абстрагировать не только от любого феномена уже конституированного мира, но и от любой предзаданной формы, в результате чего феноменолог поднимается к примитивным конкретностям. Гиперболическая редукция приводит к разоблачению (dévoilement) феноменологического поля, “ведет в океан”, который есть не полнота данности и не пустота и мрак, но некая “масса”, где ничто не является ни совсем заполненным, ни совсем пустым. Нам представляется, что ришировская редукция многим обязана тем рассуждениям Мерло-Понти, в которых ставится (но не решается окончательно) вопрос о необходимости разработать понятие новой редукции, которая открывала бы феноменологу дологический мир, являющийся, в трактовке Мерло-Понти, миром перцептивной веры. Фигура гиперболы также используется этим философом, когда он пишет о гипердиалектике как мышлении становления бытия – “увиденного бытия [...] которое является [...] манифестацией Себя, разоблачением на пути к этому становлению. [...] В этом смысле она является тем, что мы разыскиваем” (Merleau-Ponty, 1963, 135). Форестье часто проводит аналогии между концепциями Ришира и Мерло-Понти, однако отметим, что в данном случае подобная аналогия позволила бы установить более глубокую связь данных концепций.

Ришировская феноменология, пишет Форестье, открывает непрекращающееся двоение (*diplopie*) отдельных страт трансцендентального генезиса, которые философ различает в своей *архитектонике*. Архитектонический регистр определяет особый способ, которым феномены феноменализируются, а феноменологическая плюральность связывается в определенные временные, пространственные и иные структуры. Архитектоника позволяет, в океане проблем и вопросов, корректно поставить проблему и решать ее. Каждая архитектурная страта соотносится со специфическими структурами, которые предоставляют себя для дифференцированного феноменологического анализа, вынуждают феноменолога при описании этих страт создавать специфический тип дискурса и методологии. Способ связи различных архитектурных регистров Ришир определяет как архитектурную транспозицию: речь идет не об обосновании одной страты другой, но о том, что одна страта становится “основой” для перемещения на уровень другой.

Наконец, завершая изложение основных понятий ришировской феноменологии, Форестье затрагивает антропологическую проблематику. С позиций архитектуры следует рассматривать различные концепции феноменологической антропологии, например, хайдеггеровское учреждение фактичности или левиновское – этики, только как единичные примеры. Не существует, по Риширу, законов, позволяющих а priori конституировать все возможные антропологические типы – их можно лишь описывать во всей их множественности и с присущей им спецификой.

Воспроизведенные выше ришировские понятия не следует рассматривать, пишет Форестье, как пригодные для неинтенциональной феноменологии (Левинас), которая может исследовать феномены конкретные, однако сложные. Эти понятия могут использоваться лишь в той феноменологии смысла, которую развивает Ришир.

Следующие три раздела книги – *Значение, смысл и учреждение*, *Загадка временности*, *Феноменологические начала пространства* – структурно подразделяются каждый на две части: в первой части излагается соответствующая теме раздела проблематика у Гуссерля, во второй – проблематика Ришира.

Форестье уделяет большое внимание проблеме значения (*signification*) и смысла (*sens*) в философии Ришира. Смысл укоренен в лишенном языка (*langue*) поле архаических конкретностей, в отличие от значений, которые

фиксируются, приобретают устойчивость благодаря структурам символического учреждения. Автор книги пишет, что разграничение понятий смысла и символического дает возможность Риширу вступить в интересный диалог с психоанализом, а его феноменология, разрабатывающая данные понятия, открывает новые возможности для феноменологии животного, техники и, в целом, разрабатывает эффективные понятия для выхода из современного “кризиса смысла”.

Размышления на тему значения и смысла у Ришира, показывает автор, обязаны как Гуссерлю, так и Мерло-Понти. Вводя понятие *самостоявшегося смысла*, он, в частности, ссылается на мерло-понтиевское понятие действующей речи, литературного произведения, в котором писатель дологическим образом выражает немые истины вещей. Ришир учитывает также развитие мерло-понтиевской тематики в работах Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, Ж. Гарелли, которые прорабатывали идею не-лингвистического смысла и не-логического значения. Но в первую очередь он ставит вопрос самообразования смысла, опираясь именно на гуссерлевские работы о пассивных синтезах, перечитывая их применительно к собственной проблематике примитивных конкретностей и их структурирования. Форестье пишет, что если гуссерлевский анализ генезиса был связан с расширением сферы интенциональности, то Ришир делает своим предметом более глубокую, архаичную и хаотичную страту, которая открывается после гиперболической редукции. Ришир показывает не только то, каким образом смысл возникает, но и то, что смысл всегда находится под угрозой не-смысла, из которого он появляется в результате генезиса.

Важное место Форестье отводит анализу ришировских работ о воображении и *phantasia*. Он показывает, в чем философ опирался на гуссерлевские рассуждения на эту тему, как выявлял в них апории и скрытые возможности. Фактически гуссерлевская феноменология фантазии открывает возможность иной феноменологии. Так, для Гуссерля *phantasia* является весьма специфическим опытом сознания, в котором конституируемые “объекты” не наличествуют в настоящем и вообще не имеют конкретного временного положения в потоке времени сознания. Рассуждения немецкого философа, вопреки его общей установке на описание ноэтико-ноэматических корреляций, подводят к тому, что возможна редукция интенциональных структур, в которых дается фантазируемый “объект”. Форестье показывает, что ришировское заключение в скобки интенциональных структур

инициировано рассуждениями Гуссерля о фантазии. Он отмечает радикальность хода Ришира, который не только различает внутри процесса феноменализации режим присутствия (*présence*) и режим лишения представленности (*déprésentation*), но еще и рассматривает восприятие как опосредованную, производную форму феноменализации.

Из этого вытекает необходимость полного пересмотра гуссерлевской феноменологии времени: следует переместиться на страту примитивных процессов овременения, в поле только-феноменов. Форестье пишет, что, проводя конструктивный анализ гуссерлевских представлений о времени, Ришир создает собственную феноменологию времённости, которая не центрирована на моменте настоящего, теперь. Хотя подобная времённость уже была предметом исследований Хайдеггера, Левинаса, Деррида, Мариона, но в отличие от них Ришир исходит из идеи подвижной плюральности феноменологического поля и обращает внимание на различия в способах феноменализации. Его концепция позволяет понять, каким образом архаические формы прото-временения артикулируются в мерцании только-феноменов, конституируя другие страты. Автор подчеркивает убедительность и плодотворность понятий Ришира и его метода анализа времённости.

Столь же важной является, по Форестье, ришировская феноменология пространства / опространствливания. Пространство, даже более чем время, является “точкой” реального, а вопрос о пространстве напрямую связан с вопросом об экстериторности. Прото-пространство является условием возможности феноменального, формой соединения и перехода от только-феномена к феномену мира (*phénomène de*). Ришир берет за основу три понятия пространства – платоновскую *chôra*, аристотелевский *topos* и однородное галилеевское пространство, показывает, что они относятся к различным архитектурным регистрам. Он создает их феноменологические эквиваленты и описывает, как происходит артикуляция этих эквивалентов в процессе трансцендентального генезиса пространства как экстериторности. Ришир, пишет Форестье, детально и убедительно исследует этот переход от архаического не-сосуществования к со-существованию на различных этапах трансцендентального генезиса.

В последнем разделе книги ставится вопрос о феноменологии феноменологии. Автор рассматривает те рассуждения Ришира, которые касаются условий возможности феноменологии. Наличие феноменологии, или даже только идеи феноменологии, свидетельствует о запросе, исходящем от

самого феноменологического поля, которое феноменолог находит в рефлексии, о приглашении мыслить это поле как отрыв, несовпадение опыта с самим собой. Получается, что феноменология это *симптом* глубинной структуры феноменологического поля: феномен феноменализируется, ставя себя под вопрос, и именно это феноменолог встречает в своей практике.

В *Заключении* Форестье пишет, что философия Ришира является глубокой переработкой именно гуссерлевской трансцендентальной феноменологии и в этом качестве – ответом на критику Гуссерля со стороны всей феноменологии XX в. Наследник Гуссерля, он является последним представителем посткантианства – традиции философии С. Маймона, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Все они следовали трансцендентальной программе и развивали ее. Ришир трансформирует понятие трансцендентального, предлагает новую интерпретацию феноменологии и тем самым открывает новые возможности для развития философии. Также Ришир – первый постдеконструктивистский философ, поскольку его философия принимает вызов деконструкции и учитывает ее аргументы.

REFERENCES

- Henry M. (1963). *L'Essence de la manifestation*. Paris: Presse Universitaire de France.
Merleau-Ponty M. (1963). *Le Visible et l'invisible*. Paris: Galimard.